

Нина Пронченко
Целуйте нас крепче

Сборник рассказов

Нина Пронченко

**Целуйте нас крепче.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Пронченко Н.

Целуйте нас крепче. Сборник рассказов / Н. Пронченко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908480-4

«Мне не хочется осуждающе говорить о своем поколении, хотя я это и думаю: ведь мы могли изменить мир, а променяли это на «магазин на диване», — написал Стивен Кинг об американцах в шестидесятые. Я хотела сделать то же самое: рассказать о своем поколении очень коротко, но честно. С моста современности хорошо видно!

ISBN 978-5-44-908480-4

© Пронченко Н.
© Издательские решения

Содержание

Рыжая	6
Сложный возраст	13
Ветер из далёка	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Целуйте нас крепче Сборник рассказов

Нина Пронченко

Иллюстратор Евгений Рябов

© Нина Пронченко, 2018

© Евгений Рябов, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-8480-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рыжая Рассказ

Мать поднялась спозаранку. Уже светились алым сквозь синеватую пыльцу раскалившиеся чугунные комфорки на выбеленной печке. Неделя прошла как оборвались дожди, но заморозков пока не было. Печи в домах только протапливали: кто с утра, а кто на ночь.

В пуховой перине прятались под теплым атласным одеялом бегучие линкины ноги, а распластанные руки покрывали огромные белоснежные подушки. Она открыла глаза. Потянулась, ухватившись за спинку кровати, и тут же увидела, как метнулся под окном клетчатый платок Танькиной матери, соседки Корнилихи.

– Аечки? – уже откликнулась в коридоре мать.

Линка вылезла из мягкого тепла, оделась. Осилев непокорные шнурки на ботинках, пошла на кухню умываться. В зеркале над умывальником каждый раз глядела на нее рыжая стриженная голова. Конопатый нос и щеки, большущие зеленые глаза под рыжими бровями...

Она вышла в коридор зачерпнуть воды в рукомойник. Мать рубила капусту. Не будь здесь Корнилихи, встала бы рядом чистить морковку, тереть ее на крупной терке, а потом расцвечивать рыхлую капустную гору яркой морковной стружкой и глядеть, как мать перетирает гору, обсыпав ее крупной солью. Но гостя уходить не собиралась. Часто — часто заявлялась она и подолгу шептала что-то, прикрикивая, чтобы не слушала Линка взрослых разговоров! А мать покорно молчала, не вступалась. Это про неё, Танькину мать, бабка Макаровна как-то сказала, отмахиваясь:

– Помело! Ни дома, ни у поле!

Нехотя прошептав «здрате», Линка зачерпнула воды из ведра и воротилась на кухню.

Она хотела притворить за собою дверь, да услышала голос гостьи:

– Не повезло тебе с Линкой, Мария! Такая драчливая! Шесть лет, а глаза какие! Ведь как смотрит! Мало, что в Григория, рыжая, так еще и глаза не поймешь чьи? И не твои. и не Гришкины. А будь в тебя, какая была бы красавица! Не повезло тебе!

Мать не остановила, и Корнилиха стала рассказывать, как Линка насмерть дралась вчера с близнецами Волосенок, что ее и к детям пускать нельзя.

Линка притянула дверь. В груди ухало. Скорее отошла к умывальнику. Глаза в узкой зеркальной прорези смотрели испуганно, жалко. Чтобы проверить, попыталась улыбнуться. Губы послушно растянулись, а глаза так и не дрогнули.

– Не такая! Вот почему молчит мать, не защищает... Рыжая, не такая!

За последнюю драку ей уже влетело. Мать грозилась отцовским ремнем и сама плакала.

– О чем? Да о том, что она, Линка, была рыжей, матери своей не нравилась!

Горечь этого открытия поразила:

– И ничего поправить нельзя! Нельзя любить, если рыжая...

Уличная кличка, цеплявшаяся только за воротами, сейчас ворвалась в дом и встала горькой обидой, разделившей её с матерью.

– Пусть рыжая! Пусть... Она быстро надела пальтишко, вязаную шапку – ушанку, как тень промелькнула к двери и через миг была уже за калиткой.

– Не приду обедать, до ночи не вернусь! И в Танькин дом не пойду, никогда не пойду! Слезы катились градом. Бежала через переезд, на Филиппову гору, туда, где ни одна душа не встретится. По узкой тропинке, усыпанной щебёнкой, продиралась между хлётких веток. За один день облетели под злым Ставропольским ветром сады! И багряные терновники не устояли. Голой вязью тянулись теперь к просевшему небу тонкие ветки.

На «первой балке» ветер ГНАЛ И ГНАЛ колючки перекасти – поля. ВЕТЕР высушил ЛИНКЕ щеки, а потом и в груди расправилось. Она шагала напрямиком на «четвертую балку», не выбирая дороги. Черные галки то садились на запаханную под озимь землю, то вдруг снимались и неслись низкой стайей впереди. Куда НИ погляди – поля, поля. За одним длинным холмом – другой, третий, четвертый... Нету края! Ветер наполнял грудь, глушил печали.

А разве мало скопилось?

Каким-то непонятным чутьем улица знала: за драки мать Линку лупит! И жалобщиков было вдоволь.

Любая рукопашная заканчивалась для неё ремнем. Лишь бы отца дома не было. При нем не ходили, и мать не трогала: не смела. Но однажды, вернувшись до срока, отец застал растрепанную, заплаканную дочку, приткнувшУЮся за кушеткой.

Линка помертвела: боялась за мать. Отец, остановившись на пороге, все понял, молча шагнул к матери, схватил за грудки.

Лицо его стало матово-белым.

– Еще тронешь, прибью! – выдохнул почти шепотом. Вырвал ремень, изо всей силы стегнул через плечо по спине. Мать вскрикнула, закрыла рот ладонью.

– Не бей, не бей! Линка рванулась, вцепилась отцу в колени. Круто повернувшись и отцепив ее руки, отец сгреб с притолки начатую пачку «Примы», ушел из хаты.

С тех пор мать больше ее не трогала, только кричала да плакала. Но теперь тайный страх, что отец сдержит слово, мучил Линку. А на улице она всё равно дралась! Что правда, то правда! Если БЫЛО что обидное или кто хотел показать власть, налетала как ветер, ничего в этот миг не помнила. Лютыми врагами были близнецы, брат и сестра Волосёнок. Годом старше, но такие маленькие! Близнецам подчинялась вся улица. Они верховодили, тихий Линкин голос не слушали.

Вот и вчера, распоряжаясь игрой, близнецы поставили бегучую Линку сторожить знамя, а неповоротливого Леньку – в нападение. Просила, доказывала – всё зря!

– Рули-рули, на тебе четыре дули! – вдвоем брат и сестра закрутили и совали ей целых восемь! Жаркая волна нахлынула, залила уши и щеки, а кулаки сами пустились в дело: расчитаться за ненавистное «рули—рули...»

С соседкой Танькой, дочерью Корнилихи, они хорошо ладили, когда рисовали наряды голым картонным куклам или гнались изо всех сил к углу встречать со службы Матвеевича, Танькиного отца, инженера—путейца, переведенного из города Выборга, седого и веселого, чтобы он, поймав их, разом закружил обеих, прижав к полотняному кителю. Но стоило Таньке выйти на улицу, как она забывала это и тотчас присоединялась к близнецам. Обидою помнилось и то, как неотступно следили глаза самой Корнилихи, чтобы не трогали Линкины руки книжки в стеклянном шкафу и клавиши их старенького пианино. Упаси бог!

С Филипповой горы на свою улицу она вернулась, когда прошел за садами Ставропольский поезд. В хатах зажигали огни. Вся детвора уже разбрелась по домам: кого позвали, кто сам ушел, а они с Леркой Геджан, поменявшись шапками и пальтишками, и чувствуя от этого особенную веселость, стали гоняться наперегонки за выкатившейСЯ на небо луной. Круглая желтая луна висела совсем низко. А если гнаться за ней по дороге, луна помчится перед тобой — ни за что не догонишь!

Но вот позвали и Лерку. Линка одна брела по дороге, задрав голову к высокому небу, и думала, что перед сном она попросит Боженьку, и завтра всё уже будет хорошо на белом свете....

К вечеру вернется из поездки отец... Далеко, до самой Иловайской ходили тяжелые товарняки. Два дня дожидаться, пока объявится он у калитки в БУШЛАТЕ И форменной фуражке с блестящим козырьком. Люди говорили, что отец её пришлый и «кацап», потому как родом был с Южного Урала. И говор у него другой. Все здешние мужики были казаками.

Мать у Линки тоже казачка. Красивая, кареглазая... Вся душа дочери ей радовалась, но мать этого не замечала. Подрастая, Линка все надеялась, все старалась заслужить! А не дождавшись, затаилась... Ни к кому не ластилась. Говорила всегда тихо, медленно, слегка заикаясь.

Кубанская речь ей не привилась. – Ты меня ни слухай, —учила ее мать. Ты слухай, як отиц говОрыть!

И Линка слушала. А дети на улице дразнили:

– Гуси гагочат, город горит, Линка— «кацапка» на «Г» говорит!

Да Бог с ней, с улицей! Вернется отец, поспит недолго, и будут они читать дальше необыкновенную книжку про чернобурого красавца лиса и его рыженькую подружку «Белогрудку». Книжку дала всё та же Корнилиха, Танькина мать. Линка вспомнила это, и главная обида дня ослабла и отступила, подчиняясь прорвавшемуся благодарному чувству.

На утро было воскресенье, базарный день. Мать с большой плетеной кАшёлкой уходила «скупляться».

Калитка хлопнула, и рыжая, повесив на шею шнурок с тяжелым ключом от хаты, отправилась к Леркиному дому.

Дом этот стоял на другом конце улицы, у старого колодца. Старый дом под железной крышей. Целых три комнаты да коридор! Белее снега длинные тюлевые занавески на окнах. На стенах – два ковра, верный признак богатства! И еще один, правда совсем облезлый, прикрывал кушетку, из которой сильно выпирали пружины. О, эта кушетка! Оставшись в доме одни, они с Леркой, не сговариваясь, мигом влетали с двух сторон скакать «до неба» на ее бугристой спине. Но самым интересным был пузатый лаковый комод. На нем перед овальным зеркалом выстроилось по росту стадо мраморных слоников, и еще была там маленькая китаянка, чудесно вырезанная из белой кости, в кимоно и с веером. Ткнешь ее в лоб пальцем, и вежливая китаянка тотчас начнет тебе кланяться.

Поднявшись на ступеньки, Линка вошла в дом, и что же? В доме – вой и тарарам! Лерка ревет, захлебывается, добивается чего—то, что ей ХОЧЕТСЯ. Даже на пол повалилась! А Тетя Шура, Леркина мать, не молодая, чисто и просто одетая, стоит, молчит, терпит.

Сказала только:

– Ляг на коврик, родненький! Если кто тебя перешагнёт, маленькой останешься!

На миг затихнув, Лерка проворно отползла на ковер: подальше от греха! Тут же попробовала выть дальше, но все было безнадежно испорчено. Валяться на ковре без дела стало скучно.

И, поднявшись, она, как ни в чем не бывало, отправилась вместе с Линкой во двор надуть мыльные пузыри. Мать ей ничего и не вспомнила!

Легко простила она детям. Внимательные, каждый божий день ласковые глаза ее утешали. Не было в них строгого спросу. И безграничным обожанием откликнулась ей Линкина душа.

Были в этой семье еще старая бабушка, сиднем сидевшая в плетеном кресле на подушке и никому никогда не мешавшая; старшая дочь Лиля; маленький и толстый, седым ежиком стриженный, весь в веселых морщинках, черноглазый и горбаносый Леркин отец. Неисповедимы пути господни: Леркин отец был греком! Работал в городской парикмахерской. Мастер был несравненный. Городские модницы толпились к нему в очередь. А дома он лазил на высокую голубятню, громко и весело свистел, отправляя в небо и белых, и сизых.

Звали его странным именем – Адам! И грек—отец, и старшая дочь—красавица, много перенявшая от отцовской крови, только радовались главенству матери и бесконечному терпеливому ее покою. А Лерка закатывала такие капризы, за которые Линке тут же бы «всыпали по первое число».

Кроме почти глухой и сонной бабки, в Леркином доме сейчас никого не осталось. Мать и отец, заторопившись, тоже отправились на воскресный базар, а Лерка и Линка вернулись в дом. В узкой спальне – стол с игрушками в тяжелых выдвижных ящиках Можно сколько хочешь перебирать и разглядывать, никто не остановит! А большая комната хранила верность

старшей сестре, Лиле, уже второй год учившейся в Москве и приезжавшей домой только на каникулы.

Лерка открыла дверки углового шкафчика, и на свет божий явилось завидное богатство: пара ссохшихся туфель на сбитых каблуках, черно – бурая лиса с высохшей мордой, когтистыми лапами и большой плешью на спине, да фетровая шляпа с бантом из атласной ленты. Шляпе с бантом и облысевшей лисе старшая сестра сказала пренебрежительное:

– Фу!

А про туфли на каблуках, слава богу, давно забыла. Богатство благополучно переключало в Леркины руки. В носы туфлям они миглом насовали мятые газеты, чтобы «как раз», и, поделив туфли с фетровой шляпой – Линке, а лису – Лерке, открыли проигрыватель.

.«Джама —а —а—а—ай – ка.!» – звонко—звонко залился итальянский мальчишка Робертино Потрясенный искусством «на всю громкость», кот Яшка прижимает уши, изумленно таращит глаза. Глухая бабушка, очнувшись от дремы, беспокойно оглядываясь, спрашивает:

– Лерочка, хтой—та прыхОдыв, чи шо?

Лерка уверенно выставляет ладошку. Это означает, что «никто не прыходыв». а вопрос «чи шо?» она просто пропускает мимо своих хитрых ушей, и бабка спокойно засыпает опять. Кто за кем смотрел: Лерка за бабушкой или бабушка за Леркой, сказать трудно. Каждая из них про себя решала это в свою пользу.

Пока Линка и кот, как положено публике, смиренно сидели на кушетке, Лерка достала из ящика пузатого комода «газовый шарф», весь в мелких дырах. Завернувшись в него, повесила лису себе на спину, влезла на стул, и концерт начался.

«Хто можить славница с Матильдой моей?» Певица знала наизусть все Лилькины пластинки! Кот Яшка, глухая бабушка и Линка были ее публикой. Другой никакой не было. Лерка мирилась и с тем, что ей бог послал..

Под старой кушеткой, на которой сидели кот и Линка, стояла коробка с новыми замшевыми босоножками на шелковых шнурочках, сплошь в круглых дырочках! Коробка дожидалась старшую сестру, чтобы Лиля была «не хуже людей». Про бархатную шляпку в бусИнках, что тоже её дожидалась, и сказать нельзя!

Одно слово – Москва! Невозможно было и представить себе этот необыкновенный город, где люди вот так, запросто, ходят по земле в замшевых босоножках на шелковых шнурочках!

Про себя Линка думала, что это только пока они с котом ни на что большее не годятся, но когда-то она вырастет, и вот тогда... Что будет тогда, оставалось пока тайной и для нее самой, но это «тогда» сулило ей нечто замечательное и счастливое и каким—то чудесным образом связывалось с Москвой – лучшим городом на всём белом свете!

Улица звала Линку «Рыжей», а Лерку – «Мимозой». Почему «Рыжей», и так ясно А вот почему «Мимозой»? Считалось, что «Мимоза» – это девчонка, которая очень о себе воображает, а потому Лерке это – ох как подходит! Сказать правду, было это не таким уж глубоким заблуждением.

Однако, в свои шесть лет «Мимоза» умела топить печку, носила «по полведра» воду из колодца. Вал на нем железный, крутится быстро, не дай бог заденет— искалечит насмерть, а Лерка тоненькая, какая уж там сила? Шестилетняя «Мимоза» никого не боялась. Бегала жаловаться на уличных мальчишек, если что – то было не по ее. А Линка – куда денешься? Послушно плелась следом. Тук – тук в высокое окошко заледенелой пуховой варежкой:

– Бабушка Маня, – тянулась в высокое окошко «Мимоза», – я хочу, чтобы я – королева, а они— лошади! А Вовка не хочЕт, а из-за него и Ленька не хочЕт! Скажите йм!

Увидав жалобщик под окном своей хаты, сосед Вовка с лучшим своим корешем по улице торопились защитить свой интерес.

– Ух, какая хитренькая! Она все время королева, а мы – все время лошади?

И убежали прочь от неблагодарной королевы, волокли за собою пустые самодельные сани. Ссоры были короткими. Замириться с «Мимозой» было нетрудно. Всегда был повод. Модница донашивала за старшей сестрой плюшевое пальто с капюшоном. Когда-то пальто было ослепительно серебристым. Теперь оно облезло и побурело. Но остались нетленными кусочки под подкладкой – следы немислимой роскоши! За удовольствие показать их «Мимоза» шла на мировую.

Подрастая, она все больше выказывала свое превосходство над сверстницами. Девчонок, кто попроще, надменно высмеивала.

– Бабушка Маня, – говорила Вовкиной бабке доверительно, точно догадываясь, что здесь ее примут со всеми её разговорами,

– видали Люську Булейко? Ужас, бабушка Маня! Обрядилась: носки – зеленые, туФли – красные, а платье – синими светочками! Никакого вкусу, бабушка Маня! Один разврат!

– И не говори! – вздыхала Вовкина бабка и гладила умную Леркину голову. В ней новые красивые слова, такие, как «сервиз» или «сюрприз», только влетев, разом пускались в оборот. Слова эти существовали на свете, чтобы «Мимоза» могла говорить как большая, и так уверенно, будто это и не впервой, а дело привычное. Услыхав однажды, что культурные люди в поезде едят колбасу, а некультурные – курицу, бабушка Маня прижала ладонь к губам: удивилась, как крепко Лерка дело понимает!

И если внук бабки Мани, сосед Вовка, на новом «школьнике» весь мокрый крутил педали на Филиппову гору, «Мимоза» одна их всех гордо сидела на его багажнике, вытянув длинные худые ноги в новомодных носках – гольфах.

Играть во двор к «Рыжей» девочки не ходили. Так уж сложилось, хотя запрета не было, а хату мать держала в завидном порядке. И никто на улице не умел печь такие пироги, как она, и такие куличи на пасху.

Все самое лучшее на столе всегда было «дитю та мужу».. Себя мать во всем обделяла.

И это неотступной тревогой ложилось на Линкино сердце. И поправить нельзя! Редко—редко радовались вместе отец и мать. И не было большего счастья, чем видеть, как отец шутит, а мать заливается чудесным звонким смехом.

Дни шли за днями. Линка тихонько тянулась вверх, оставаясь тонкой и прозрачной от худобы.

В последнюю зиму перед школой она выучилась читать. Не по складам, нет! По складам она читала давно. И уже не раз писала под диктовку печатными буквами письма далекой отцовской родне. Писать по клеточкам было весело. Но не верилось, что когда-нибудь она будет читать, как большая. Что веселого, когда по складам? Тайный страх, что не осилить ей эту премудрость, не научиться читать толстые книжки, мучил Линку. Потихоньку она приладилась читать только глазами, не проговаривая слов.

Отец, заметив перемену, записал ее в детскую библиотеку. Книг там было видимо – невидимо. Выбирай, какую захочешь. И всё сразу поменялось к лучшему.

Тепло и уютно потрескивает в печке уголек. Кошка Мотька греется в печурке. Линка взяла свою книжку, села возле печки, поставив ноги на край открытой духовки. «Милый дедушка, Константин Макарыч...»

Потекли ручьями слезы на конопатые щеки. Прочла, принесла другую. Весело называлась эта новая книжка! «Чук и ГЕК»

И жизнь в этой книжке была такой веселой!

Хорошая жизнь! Заливаясь хохотом, Линка читала как братья, услышав, что мать их собирается в могилу, завыли еще громче.... Слушая дочку, мать молча улыбалась, смотрела ласково, долго. Книжная жизнь неожиданно объявилась им общей радостью. Рассказывала Линка из прочитанного или читала вслух, понятной нежностью наполнялись материнские глаза, а детская душа успокаивалась, обретая драгоценную опору.

А перед самой елкой стали они с отцом учиться считать: складывать, вычитать. И все это было так просто, что разохотившись, выучили заодно сложение и вычитание «в столбик» с двузначными числами. А потом Линка стала складывать и вычитать их в уме. Отец смотрел на дочь удивленно, весело, а Линка чувствовала, что учение ее важно и отцу, и матери. Наконец – то мать, ласково помолчав, вдруг обнимала её рыжую голову и шептала:

– Умница моя, яка же ты умница!

Больше не засиживалась у них Корнилиха. А в Танькин дом Линка совсем не ходила. Да и на улице игры уже не получалось. Улицей считался всего десяток ближних домов от угла до дальнего колодца. Линка и Лерка ушли с неё совсем. Никого, кроме соседа Вовки, которого все считали женихом «Мимозы», в игры свои не впускали. А теплыми вечерами обе выходили на уличные посиделки и усаживались возле Вовкиной бабушки на лавке, где старухи и женщины собирались «спивать» русские и казачьи песни. Высоко и чисто звенел в темной прохладе детский голос, перекрывая тихое старушечье многоголосье. Даже в садах было слышно, как упрекала любимого казака шестилетняя Лерка за то, что он каким был, таким и остался..

А потом пришло их последнее лето перед школой.

В тот вечер «Мимозу» позвали рано, а бабы сразу завели скорый разговор, который Линка слышала, но сначала не понимала.

– Жалко! Уижають!

– Ешо бы ни жалко! Шура, яка женщина!

– А бабку Степановну тапереча куды?

– Степановну друга дочка А забирае. А дом Адам продае цыгану, тому, шо золотом на базаре торгуе.. Продае хорошо! Тильки уижають далёко: у Ставрополь!» – отвечала Вовкина бабушка.

Прощанья с «Мимозой» не было. Той же ночью у «Рыжей» поднялась большая температура, она металась в жару, даже бредила. Мать держала ее на руках, завернув в пуховый платок, еле слышно шептала молитву Богородице. А когда её выписали из больницы, лысую, невероятно худую, со следами зеленки на прозрачной коже, она целый день уныло слонялась вдоль Леркиного забора. Но в окнах старого дома уже висели оранжевые плотные занавески, а на калитку новый хозяин прибил железную подкову – на счастье!

На память Линке «Мимоза» оставила батистовый платочек, на нем В Уголке стебельком вышила свое имя.

Лето заканчивалось. Пришла пора записываться в школу. Мать повела Линку не в ближнюю, которая стояла за церковным двором, а в дальнюю, лучшую в городке.

Собирались долго. Накануне отец привез новые сандали. Хорошо пахли кожей. А сарафанчик, ловкий, выше коленок, как ей и хотелось, мать сшила за неделю.

Вымытая в большом корыте с мочалкой и душистым мылом, Линка терпела, пока мать туго привязывала ей на макушку крепдешинный бант. И долго глядела в зеркальную дверку нового шкафа. Совсем другая рыжая девочка, вытянувшаяся, с густо розовыми ушами и щеками, чудесно и чисто одетая, стояла перед зеркальным стеклом. И эта девочка ей нравилась!

Ясные зеленые глаза смотрели не то чтобы весело, но спокойно. А пунцовый румянец затмил большую часть несметных её веснушек. Мать, красиво завязав себе узлом волосы на затылке, заколола сверху янтарной заколкой, на плечи накинула шелковый платок.

И когда они обе, чистые и нарядные, шли по улице, Линку захватило новое ликующее чувство. Шли Дёповским переулком до самого моста. День был теплый. Густые жасминовые кусты под низкими окнами с крашеными ставнями уже осыпались, но остатки этого множества все еще благоухали. Старые корявые тополя вдоль переулка берегли густую тень.

На мост Линка влетела быстрее матери. Внизу, в клубах пара и дыма, посвистывая короткими и громкими длинными гудками, в обе стороны мчались или стояли на запасных путях

пассажиры и товарные. Здесь, на высоте, ветер был гораздо сильнее. Прорезы железного моста огромны. Дунет сильнее и унесет вверх или вниз! Но мать уже брала ее за руку.

Двухэтажная железнодорожная школа до войны была мужской. В войну ее разбомбили. Но крепкие стены устояли, школу отстроили, и в тот год она открылась заново, сияла кафелем вестибюля, паркетом коридоров и овальными высокими окнами актового зала.

Новостью было то, что в школу эту впервые принимали девочек. Как только скрипнула толстая пружина на входной двери, которую за медную витую ручку открыла мать, Линка шагнула на скользкий пол под высоченным потолком. Парадная лестница на второй этаж посередине раздваивалась и растекалась от площадки с зеркальным проемом между окнами двумя рукавами вверх, к залу со сценой и черным роялем в углу.

Директор школы, Сидор Маркович Золотницкий, могучий, бритый на лысо, в кремовом чесучовом кителе с тремя орденскими планками и пустым левым рукавом, заправленным в карман, услышав несмелый стук, сам отворил дверь кабинета.

– Прощу! – сказал тихий хриплый голос над Линкиной головой. И они вошли.

Мать этот необыкновенный человек усадил в кожаное кресло подальше от стола, а онемевшая Линка стояла перед ним одна

– Как тебя зовут?

– Лина, – шепнули непослушные губы.

– А фамилия?

– Хазарова.

– И тебе семь лет?

Голова с бантом нагнулась и утвердительно кивнула.

– Скажи мне твой адрес?

Линка сказала.

– Ты приезжая?

Голова с бантом качнулась из стороны в сторону: она не приезжая!

– В твоей семье есть школьники?

– Нет! Голова опять качнулась из стороны в сторону, а Линка почувствовала себя горестно виноватой: опять не так, как он хочет! Но бритый человек продолжал расспрашивать, и она потихоньку успокоилась. Дошло до того, что она бегло прочитала ему кусочек в совсем детской книжке. А когда он захотел послушать стихи, выученные наизусть, Линка уже не боялась.

– Сергей Есенин, – объявила уверенно. Глядела прямо в глаза, но может ей показалось? Седые брови изумленно поползли вверх.

– Поет зима, аукает стозвоном сосняка! – начала Линка. Бритый человек успокоено закивал.

– А веселое знаешь?

– Сейчас!

«О чем поют воробушки

В последний день зимы?

– Мы выжили, мы дожили!

Мы живы, живы мы! – закончила она почти громко.

Директор встал, задвинул тяжёлый стул.

– Да! – тихо, но радостно сказал хриплый голос сверху и единственная рука бережно легла на рыжую голову с бантом.

– Рад за воробышков! – догадалась Линка. В том, что этот необыкновенный человек примет ее, она уже не сомневалась.

Сложный возраст

Рассказ

Шел урок русского. Учитель Брянцев развесил на доске таблицу, где каждый суффикс, «оньк» или «еньк», был выделен красным и синим. Теперь он хотел, чтобы пятый «А» записал эту здоровенную таблицу в тетради и цветными карандашами раскрасил суффиксы.

Брянцеву было семьдесят. Добродушный, но лукавый, он нет-нет, да и похвалялся, что университет закончил в Петербурге! Было ясно, что сам он считает это большим делом. Сегодня русак почти скакал у доски, радуясь синим и красным суффиксам.

Тридцать наивных неучей, сидевших перед ним, слушали даже латинские фразы. Мудрость их давно и всем была известна, но Брянцев все равно записывал их на доске, может быть из страха забыть самому: репетицио эз матер студиором! Или ноленс-воленс! Таская за собою указку, он весело гулял между рядами, радуясь, что суффиксы расцветивались как следует, а прилагательные с ними выстраивались в стройные столбики.

Линка, согнувшись над партой, старалась, как могла. Но здоровенная таблица не подчинялась, лезла через скрепку на другую сторону. Это была катастрофа!

Что и говорить: ученье – это тебе не эскимо на палочке!

В школе был ещё один «русак», из старших классов. Шепелявый, восторженный и ироничный одновременно, зло высмеивал ошибки, считал это совершенно непростительным делом – не знать родного языка! Учитель этот, Василий Константинович, прочитав у коллеги Брянцева Линкино сочинение, удивился:

– Ого!

Это было лестной похвалой!

Во всем остальном все обгоняли Линку!

Уже пришла пора, когда в раздевалке перед физкультурой одноклассницы шептались про мальчишек. Под тонкими футболками обозначились холмики. А у Линки ничего не поменялось. Тощие ребра проступали спереди так же, как на боках. Но самой Линке это как раз—то и нравилось!

На потные подмышки одноклассниц и розовые прыщики на щеках она смотрела с тайным ужасом. Сама она носилась как ветер, но чтобы такое.....

Вообще – то Линкин нос брал на себя слишком много. Подобно собачьему, он делил ее окружение, наставляя свое зловерное клеймо. И поделаться с этим она ничего не могла.

В школе её пятый «А» считался бешеным. Кроме ученья его головы занимали и ещё кое — какие мысли. Самая высокая в классе, Верка Кобылкина, распахнув огромные глаза, просвещала бестолковых одноклассниц. Про что речь, Линка толком не понимала. Да ее и не всегда подпускали. Считалась то ли «маленькой», то ли «чуть—чуть дурочкой».

Тайна витала в классе почти год. На уроке ботаники, слушая про тычинки и пестики, класс давился скрытым хохотом, выказывая свою тайную осведомленность. Старенькая ласковая ботаничка, в отчаянье сцепив руки у подбородка, растерянно восклицала: скаженные дети! Ужасное воспитание!

Наконец, по большой милости, Кобылкина раскрыла страшный секрет и Линке, но та не поверила. Дело этим не кончилось.

В один из последних дней перед зимними каникулами, Семен Горелик, сын главного врача, принес толстенную отцовскую книжку, «Родовспоможение». Мальчишки, вытурив девочек, закрылись в классе. Читали, разглядывали картинки, выли и хихикали. А потом Горелик великодушно передал книгу главе девчачьей половины, все той же Верке Кобылкиной. Все повторилось в новом составе. Линка смотрела картинки со всеми. Мир разом перевернулся.

И ничего нельзя было с этим поделаться. Но самое страшное ей предстояло переживать в одиночестве: Кобылкина уверяла, что малюсенький зародыш, если кто его потерял, может прицепиться в бане! А дальше – пошло, поехало ...! Знала она такие случаи!

Линка похолодела от ужаса. Несчастье уже свалилось на ее рыжую голову: внутри ныло, живот стал упругим и, казалось, погрелся. Вечером, моясь в тазу горячей водой, она, разглядев бурое пятно на ладони, от страха потеряла сознание. Очнувшись на руках у матери. Та, стоя на коленях перед образом, судорожно прижимала её к груди, часто и мелко крестилась. Вода в тазу затянулась алым. Очнувшись, Линка вспомнила.... Это было ужасным, невозможным! Обливаясь слезами, пыталась толковать матери про баню и Верку Кобылкину.... Но та, улыбаясь только глазами, утешила навсегда: баня была не причем!

Почти год потрясающее открытие, свалившееся на любознательные головы, будоражило пятый «А». Но придут летние каникулы и, разъехавшись кто куда, о нем позабудут, успокоятся. Все это как—то уляжется, усмирится. Кобылкина еще будет править бал, но однажды, на географии, и этому пришел конец.

– Кто опишет мне путь Волги от истока до устья? – спросила географичка и подняла Верку.

– Волга течет по разным климатам, по животному миру и крутому песчаному берегу! – выпалила та без передыху.

Класс закатился хохотом. Признанный авторитет просветительницы пострадал непоправимо.

Мало что прощалось и в шестом. Учитель Брянцев не по злобе, а из желания посмеяться выписывал и читал вслух строчки – шедевры классных сочинений. Страх стать посмешищем сделал Линку осторожной.

Подруг в классе не было. Только Юрка Еремеев, каждый год садившийся с нею за одну парту, был ей товарищем. Юрка объявился в первый день, когда на школьном дворе первоклашек строили парами: мальчик – девочка. Пришел черед, и в пару рыжей поставили тихого, внимательного мальчика, лысого, в серой школьной форме с подшитым белым воротничком.. Узнать его среди множества таких же можно было по глазам: они смотрели прямо, но думали о чем – то своем. Взявшись с ним за руку, как положено, Линка не проронила ни слова. Мальчик тоже молчал, глядел под ноги. Когда их строем вели по лестничным ступенькам, порядок смешался и он, заторопившись, наступил «паре» на пятку. Против ожидания глаза под огромным бантом на мгновение ему улыбнулись. Так состоялось знакомство.

А в начале второй четверти Юрка подошел перед родительским собранием к матери рыжей и, уставившись ясным взглядом, твердо сказал:

– Тетя, скажите учительнице, пусть меня с Линкой посадит! С тех пор так и было.

В шестом к Юрке прочно приклеилась кличка «Му—му». А все Брянцев! Прочитал вслух одну строчку из сочинения, и прилипло... Еремеев писал:

– Как только приехали в Москву, Герасима сразу назначили глухонемым дворником.

Юркины шедевры не переводились:

– Гринева быстро выучился русской грамоте и теперь мог отличить борзого коня от кобылы.

Класс умирал со смеху, А несчастный автор мечтал о преисподней. На физкультуре – совсем дело пропащее! Юрка стоял предпоследним. За ним – только совсем маленький армянин Ёсик. А если сравнивать с Линкой, так в шестом она переросла Юрку на полголовы!

После лета почти все ДЕВЧОНКИ явились в класс стриженными. Линка тоже преобразилась. Остригли ее очень коротко, но так умело, что вместо «рыжей» на суд седьмому «А» явилась девочка с густым коротким ежиком на голове цвета красной меди. Белый лоб открылся, худенькая шея выступала из форменной «стойки» с пикейным воротничком. Загля-

дываясь в зеркало, она чувствовала новое удовольствие: каким молодцом оказался этот длинный, тощий парикмахер!

Только Юрка Еремеев не одобрял её перемен. Сидел насупившись, глаз не поднимал. А потом и вовсе собрался, да и пересел на пустую парту.

– Ты куда, «Му—му»?

Юрка не оглянулся. Ясно! Молчать будет, хоть убей!

Настала осень, пришли холода. А потом замело, завалило землю пушистыми сугробами.

В конце января вернулись из столиц на зимние каникулы и теперь порхали по школе веселыми стайками студенты – выпускники, радуясь себе, своему возвращению и тому откровенному восторгу, с которым их здесь встречали. Школа нарядилась, наполнилась ощутимой новью и всплеском счастливых ожиданий тех, кто должен уйти весной.

Важнее нового года был этот праздник, «вечер встречи»! В совершенной тишине набитого зала директор говорит речь. Линка слушает, замерев, не спуская глаз с высокого лба, бритой головы и могучих старческих плеч, навалившихся на лаковую трибуну. За высоченными окнами, за собранными шнурами шторами, светят зеленые, красные, желтые путевские огни. Против школьных окон высятся деповские корпуса. Свистят и коротко гудят спокойные маневровые, сбавляя скорость перед станцией, фыркают, тормозят скорые.

Школьный рояль раскрыт, крышка его уперлась в длинную медную спицу. Зал слушает, затаив дыхание:

«Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое, ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения! Не оставляйте их на дороге! Потом не поднимите!» —

пусть мудрый наказ этот, завещанный великим Гоголем, станет для вас, переступающих порог ШКОЛЫ, заветом чести...

Что—то важное! И он хочет, чтобы запомнили...

Но Линка не понимает всего...

Читают радиogramмы выпускников... Из Тихого океана – Корнилов. Из Польши— Ремезов. На доске медалистов Ремезов – первым. Внимание Линки уже перенеслось. Она видит какой красавицей вернулась Груздева. И Славичкого не узнать. Ясное дело: Москва, консерватория! Не то, каким в школе за ней бегал!

Закончилась торжественная часть.

Пошли на хоровое построение. Линка во втором ряду. И опять та же пара, теперь совсем рядом: ждут своего выхода за кулисами. Петь будут. Славитский – высок и строен. Она— тонкая, взволнованная. Волосы сияют. Перчатки – до локтей. Таких – ни у кого больше! Все на них глазеют. Но они не замечают. Линка видит: Славитский склонился головой и целует! Точно, целует Груздевой руки! Какое бы ей до них дело? Но почему – то нет сил отвернуться

Рояль вздрогнул и загремел звучно, торжественно. Хор разом выпрямился, стал серьезным, строгим.

«Я по свету не мало хаживал...» Волков запекает. Какой голос!

И следом мощный двухголосый хор: «Дорогая моя столица, золотая моя Москва!»

Сердце заливаётся гордой радостью.

После вечера у самого моста ее догнал Юрка.

– Твой? – спросил, запыхавшись, разжал пальцы Скомканный, слипшийся носовой платок, коричневый в клетку, такой же, как у Линки, лежал на его ладони. Она полезла в карман:

– Нет, мой – вот он!

Юрка бросил платок в снег, затоптал, ушел вперед, не оглянулся. Линке хотелось догнать, но встречный ветер был очень сильным.

Ветер из далёка Рассказ

В доме заканчивались поминки: прошел еще год, как умер Вовкин отец. Немногословный разговор прервался. Все встали и ушли. Неубранный стол опустел. Вовка остался один в хате. В стакан с водкой свалился кусочек хлеба, положенный сверху. Он машинально вынул хлеб и съел. Изнутри обожгло горько, беспощадно. Он принуждал себя, сдерживал, но из глаз все равно текло. Матери своей Вовка не помнил. А тот день, когда уехал отец, помнил ясно. Дед сидел, обхватив голову руками, точно оглох. На пороге бабушка, ухватив сына за руки, кивала на Вовку:

– Гляди, гляди на хлопчика! Куды рвёши? Вертайся, сыну, нэ буде табе моёго прошшения!

Но отец не вернулся. Из порта Находка шли почтовые переводы и письма. Перед самой гибелью пришло большое, веселое письмо и листок со стихотворением. Отец писал:

Шлю сумку поцелуев
И ель из бриллиантовой пурги,
И голову Серебряной Луны;
В придачу – хвост лисицы рыжей,
Бочонок радости – с утра и без причины,
Мешочек фиолетовых лучей – врагов ангины....
Всё – с планами на встречу
и песней нежности!

В его записках Вовка потом искал оправдание разлуке. Читал, перебирая серые листочки: «Морской вокзал. Огни удалялись, из тумана долетел протяжный гудок, приветствуя и прощаясь»

Серые страницы не пронумерованы. Читал, как придется... «За окном синяя ночь. На повороте показалась цепочка крохотных путевых огней и станция. На оконечности мыса одиноко блестит маяк. Огни постепенно приближаются..»

Все было обрывисто, и не было главных слов о том, про что хотелось спросить. Только на одном листке отец вспомнил его. Только на одном вскользь записал: «Море! Неодолимый простор. Глаза цепенеют...

Присутствие моря делает зиму неуверенной, несмелой. Дома зима другая. В детстве мы обивали огромные тополя обухом и, подняв носы, довольные, зажмурившись, наслаждались долгой струей снега, который осыпал нас полностью. Мне было столько же, сколько ему теперь...» —Про меня! —душа вздрогнула, загорелась.

Но прямого слова о разлуке не было.

Отец погиб случайно и ужасно. Совершенно невозможно было в это поверить. Год потом не ходила ногами бабушка. А дед... Вовка видел однажды, как стоял он, никогда в бога не веровавший, на коленях, и плакал, и крестился под образами. К весне бабушка превозмоглась, осилилась и поднялась. Ожил и дед. Худо—бедно, но жизнь продолжалась. Дед был еще нестарым, когда паровозной топкой отравило ему пальцы на правой. Увечье свое он не замечал, никогда о нем не говорил. Писать выучился левой. Инвалидной пенсией пренебрег, заработал «по старости», самую большую. Да и когда вышла ему эта пенсия, не унялся. – Сторожевать не пойду! – сказал он высокомерно и по—прежнему ходил в смену мотористом на деповскую нефтекачку.

Всё его образование уместилось в деревенской школе, где незабвенный Филипп Емельянович учил всех детей в одном классе, с утра до потемок. Учил по своей собственной системе,

всему, что считал нужным. А когда случался недельный запой, деревня уважительно, с пониманием момента, разбирала свою детвору на каникулы. Дед закончил в деревне четыре класса, а приехав в город после армии, сдал без подготовки за семилетку и поступил в техшколу учиться на машиниста. Всегда что-то читал. Книги из библиотеки носил стопками. Кто Ленина тогда читал? А он читал из интереса! И политику любил страстно. Газеты все главные выписывал и телевизор смотрел добросовестно. Не то, что бабушка. Та сядет на диванчик, и уже через пять минут было слышно ее спокойное посапывание. Потом встрепенется:

– О, Господи, милостливый! Усякую ерунду людям показывают!

Дед, усмехался, но согласно кивал:

– Иди, иди спи!

А сам засиживался до позднего часа.

Лысого Хрущева дед ругал нещадно. Горевал, расстраивался над кипой свежих газет: никудышняя власть! А на Западе потешался девяностолетний Черчилль: Россия закупает зерно! Черчилль «умирал от смеха». Не зря потешался: на Кубани ели кукурузный хлеб. И все говорили, что осенью введут карточки. Карточки не ввели, а осень пришла, и Вовка пошел в школу. Провожал его дед. Учительница, спутавшись, назвала его «папашей». В погожий день дед был без кепки. Густые, темные вихры его лохматил ветер, блестели под солнцем загорелые лоб и скулы.

Теперь же он сгорбился, посидел, но все еще был могучим. А Вовка подрос, вырвался из плена Стивенсона и Джека Лондона и теперь с завистью читал у Бориса Лавренева о своем сверстнике: «...я поступил машинистом грузо—торгового стимера, ходившего рейсом «Брест – Марсель – Александрия». Сердце его волновалось. Он знал: отец плавал механиком-рефрижераторщиком. Плавал далеко от Марселя и Александрии, на Севере, где, если затерялся человек, плетется самодин на один в бескрайней мерзлой снежности. Дойдет ли, нет ли, Бог знает...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.